

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ТРИ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

№ 40. «Царевич Алексей, сын императора Петра I» [15 августа/сентябрь ? – 20/21 декабря 1731]; «царевич Пётр Алексеевич Копейкин» (император Пётр II ?) [6–24/31 декабря 1731 ?] – Андрей Иванов сын Холщевников

Сей «дважды лжемонарх» был российским подданным – видимо, русским и православным. С рождения он был, скорее всего, в лоне официальной церкви, но «проявился» уже старовером, а после ареста опять стал «никонианином». Родился он примерно в 1714 году в Москве или рядом с ней. Его отец, вероятно, был дворянином.

Биография Андрея до «проявления» неизвестна. Предположительно в 1730-м или в начале 1731-го он стал «гулящим человеком». Вряд ли он был женат и вряд ли не испытывал материальных затруднений. Через полгода, а может, и раньше, он оказался в Нижегородском уезде. Какое-то время он жил на землях Петра Мошкова – в деревне Кутеминой (Навоз) и селе Анкудиновке. Кстати, ранее в них бывала знакомая нам «царевна Наталья Алексеевна» (Девора)¹. Не исключено, что Андрей о ней слышал. Мы не знаем, когда и где он стал «расколником», однако на Нижегородчине он вошёл в контакт с крестьянами-староверами и к середине августа 1731 года обосновался «в керженских лесах у расколницы жонки Марьи Григорьевой». Там он вскоре и предстал как «сын Петра I».

По его словам, дело было так: «Царевичем де Алексеем Петровичем назывался он сам, вымысля собою, – потому: в 731-м году в Успенской мясоед², как он, Холщевников, жил у... жонки Марьи, и к той Марье приходил расколщик Алексей Трофимов, которой в оном же 731-м году в Филипов пост³ умре, и в разговорах де говорил ему... что де он, Холщевников, лицом похож на царевича Алексея Петровича. И с того де времени он, Холщевников, царевичем Алексеем Петровичем и назывался».

Трудно сказать, похож ли был самозванец на царевича. Известно только, что Андрей был «ростом невелик». Можно не всему верить (откуда простому «расколщику» знать, как выглядел царевич, скончавшийся в 1718 году?), но главное в том, что инициатором самозванства был сам Андрей. При этом не исключено, что Трофимов был среди свидетелей «проявления» – вместе с Марьей. Во всяком случае, они лжецаревича поддержали.

К самозванцу также примкнули жители деревни Кутеминой – Никита Алексеев и его сыновья Семён и Фрол. Кроме того, сторонниками лжегосударя стали крестьяне (тоже владельческие и тоже Нижегородского уезда?) Агафон Агафонов, Иван Марков, Гаврила Степанов и «крестьянская дочь девка» Анна Андреева. Следователи узнали, «что де в 731-м году, как он, Холщевников, жил в Нижегородском уезде у расколницы жонки Марьи Григорьевой и назывался де царевичем Алексеем Петровичем, и про то де ведали означенные крестьяня и девка, потому что де девка приходила временно к... жонке Марье гостить, а крестьяня де, ходя для ловли белок, к той же Марье захаживали гретца, и он де при них помянутым званием и назывался. А означенные крестьяня и девка в том винулись, а того де Холщевникова они не поймали и никуда не отвели и об оном же нигде не известили простотою своею...»

Поборником лжецаревича стал и крестьянин Михаил Кузнецов, житель села Чернухино (Чернуха) Арзамасского уезда (вотчина Спасского Преображенского монастыря⁴) – «по знакомству такому, что... оной де Кузнецов к той жонке приезживал для обучения от неё

расколу». К сподвижникам самозванца, по его же словам, относились двое крепостных князя А. М. Черкасского – из Нижегородского уезда Никита Алексеев, Никита Васильев и Василий Фёдоров. Однако таковые в указанных пунктах найдены не были.

Чего хотел Андрей? В материалах следствия нет упоминаний о его планах, каких-либо воззваниях и обещаниях. Но вряд ли он получил поддержку, ничего не обещая взамен. И всё же действовал он, видимо, своекорыстно. Иначе не объяснить, почему он вспомнил на следствии, что Марья Григорьева говорила-де ему:

---

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9, 10.

[с. 119]

как только он станет называться царевичем, то она его «поставит в добрые люди» (сделает зажиточным).

Исполнились ли эти слова, мы не знаем. 3 или 4 декабря 1731 года самозванец покинул скит Марьи. Возможно, он ей сказал, что едет в Москву. На допросе же он сообщил, что в скит приехал упоминавшийся Кузнецов и «просил той жонки, чтоб она ево, Холщевникова, отпустила к празднику в дворцовое село Николское (Арзамасского уезда – *О. У.*) в гости к родственником ево, Кузнецова... И она жонка ево, Холщевникова, отпустила».

6 декабря, в праздник Николая Чудотворца, попутчики уже были в Никольском. Кузнецов куда-то отлучился, и Андрей, будучи «весма пьян», сидел в санях и смотрел «на народ». К нему подошли двое жителей села Красного Арзамасского уезда (вотчина генерала М. А. Матюшкина) – Иван Григорьев и попович Гаврила. Они спросили у Холщевникова, «что он за человек». Он им возвестил: «Зовут де меня Петром Алексеевичем Копейкиным». В ответ «Гаврила ударил ево кулаком в спину и, ударя, молвил: "Что де ты врѣшь, растакая мать!" И пошли от него прочь...» Тут подошёл Кузнецов и повёз лжемонарха к свойственникам. Холщевников же, «едучи в том селе», спросил, кто его ударил. Кузнецов сообщил: «Это де человек генерала Матюшкина – села Красного попов сын, Гаврилою ево зовут».

Прозвище «Копейкин», вероятно, взято из легенды, которая возникла после неожиданной смерти (январь 1730) юного Петра II. По слухам 1740-х годов можно гипотетически восстановить начальный вариант молвы: царь не умер, а путешествует в облике нищего – собирателя копеек⁵. «Царевичем» же бывший официальный правитель назывался, возможно, оттого, что не обрёл полной правоспособности, ибо не успел жениться⁶.

Интересно, что свидетели этого «проявления» не обратились к властям, причём Григорьев стал «разглашать» о лжемонархе, пополняя ряды сочувствующих тому. По пути домой он поведал односельчанину Ивану Курбанову, что «в дворцовом селе Николском у праздника... незнамо какова чину человек назывался Петром Алексеевичем Копейкиным и в дворцовой де деревне Селеме бил плетью на козле вотчины Александра Головина села Кичанзина крестьянина Степанова сына Бочкова...» (про экзекуцию, видимо, приврал). В свою очередь, Курбанов рассказал об этом брату Григорьева – «земскому дьячку» Михаилу. Опять же никто из них на «вора» не донёс.

Между тем самозванец от никольских свойственников Кузнецова съехал в Чернухино – к самому Михаилу. Гостевал «царевич» не более суток, но успел предстать на публике в обеих мифических ипостасях. Иван Григорьев, который позднее побывал в этом селе, рассказывал брату, «что у того человека, которой называется царевичем, на груди и на спине крест и целовался де он села Красного с крестьянином Тиханом Карасёвым». А вот перед местным старостой Михаилом Ефремовым Холщевников «назывался дворянином». Но тот ему не поверил, и это решило судьбу самозванца.

8 декабря Андрей из Чернухино поехал к уездному центру. Староста организовал погоню, и в тот же день Холщевников был «взят близ города Арзамаса под селом Выездным и

привезён в Арзамас». Во время «роспроса» перед воеводой Вельяминовым-Зерновым он кратко осветил свою биографию и «показал за собою государственное важное великое дело... что де в Нижегородском уезде у расколницы жонки Марьи Григорьевой жил неведомо какова чину человек Василей Андреев и называетца де царевичем Алексеем Петровичем, и имеет де тот Василей при себе знак золотой с камнем, на нём изображено лицо; а помянутая жонка Марья называетца царицею Евдокеею Феодоровною»⁷. Холщевников даже назвал селение, в котором якобы жила Марья (тамошние сотский и староста «под смертною казнью показали, что они её не знают»). К пособникам вымышленного самозванца Андрей причислил и «девку» Андрееву, и крестьян из Селидьбы, Макарьевой, Прудища.

Воевода взял Холщевникова под арест и отправил солдат за теми, кого тот назвал. На следующий день Андрея заковали в кандалы. Когда вели его из кузницы в канцелярию воеводы, «за ним шли драгуны с обнажёнными палашами и шло де народу многое число». При этом присутствовал Филипп Срыбов – дворовый человек Матюшкина. «И он де, Срыбов, подошед к крестьяном... которые шли за тем человеком, спросил... что он за человек. И те крестьяня сказали: "Этот де человек был в Арзамаском уезде Спаского монастыря в селе Чернухине и назывался царевичем и Копейкиным. И говорят де, что у него на руках и на груди подписано чернилами красными. И приехав де к Арзамасу, посылал к воеводе, чтоб ево встретил. И воевода де выслал с штапного двора афицера з драгуны, которой де ево привёз в Арзамас. А ныне де воевода велел ево оковать и посылает в Москву". И, говоря де, оные крестьяня разошлись».

О том, что воевода навстречу самозванцу посылал «капитана з драгуны», говорил потом Срыбову в селе Красном и «земский дьячок» Иван Семёнов. Такой встречи, конечно, не было, ведь лжецаревича передали воеводе с рук на руки чернухинские крестьяне.

12 декабря лжегосударя отправили в Москву (в Преображенское), где тогда располагалась Тайная канцелярия. Бурмистр села Красного Козьма Коршунов, который был тогда «на торгу», видел, как «везли от воевоцкой канцелярии на санях колодника одного... а за ним де шли драгуны с обнажёнными шпагами и шло де народу многое число...» Об этом он затем рассказал Срыбову. Вместе с Андреем этапировались уже известные нам Н. Алексеев и его сыновья (из Кутеминой). 20 декабря колодники прибыли по назначению.

На первом же «роспросе» Холщевников признался, что «царевичем Алексеем Петровичем» был он сам и тут же отрёкся от этой ипостаси. В начале 1732 года у Андрея была «падучая». 5–6 февраля караульный рапортовал, что к арестанту «пришла болезнь меленколия, от которой бьёт ево обзем; и освободясь де он от той болезни, желает отца духовнаго». Его «исповедывал церкви Воскресения Христова, что в Преображенском дворце, священник Пётр Алексеев. И после... исповеди... Холщевников при оном отце духовном по вопросу сказал, что вышеписанные крестьяня Василей Фёдоров, Никита Алексеев, Никита Васильев, жонка Марья Григорьева вышепокананными непристойными словами называтца подлинно ево научали». Но потом Андрей сознался, что крестьяне на самозванство его не толкали. Он это повторил 29 марта «по приводе в застенок», когда был «спрашиван с пристрастием (а не розыскиван, что явился жестоко болен)», и 24 апреля на второй пытке. При этом он по-прежнему утверждал, что Марья подговаривала его быть «царевичем Алексеем».

Между тем число подследственных росло. 8 февраля в Тайной канцелярии дворовый человек М. А. Матюшкина Семён Пунтосов донёс на «человека» Герасима Морозова, который 26 января говорил ему: «Приехал де из Арзамаса помещика их человек Филип Срыбов, рассказывал де в разговорах, что в Арзамаском уезде радился царевичь, у которого де на руках и на груди подписано чернилами красными, и из Арзамаского де уезду поехал в город Арзамас, и, не доезжая де города Арзамасу, послал к воеводе человека своего, чтоб он, воевода, ево встретил. И воевода де выслав штапного двора капитана з драгуны, которой де, оковав, привёз того царевича в Арзамас, а из Арзамаса де отослан в Москву. А в Москве де про него не слышать».

На основе показаний Морозова и Срыбова были арестованы известные нам жители села Красного – Коршунов, Курбанов, Семёнов, Григорьевы. Компанию им составили наконец-то «сысканные» Андреева, Агафонов, Марков, Степанов.

8 мая был подписан приговор по делу.

[с. 120]

Потворщик самозванцу ждал кнут. Холщевникову же повелевалось «отсечь голову», а также предписывалось: «И по учинении... смертной казни для страху впред другим, чтоб от таких вымышленных продерзостей воздерживалис, тело ево, Холщевникова, велеть зжечь при публице в Москве, а голову ево послать с нарочным в Арзамаскую правинцию, и в пристойном месте велеть зделать столб деревянной и на нём железной кол, и оную голову велеть поставить на тот кол. А о вине ево велеть сочинить публичной лист... и со оногo публичного листа написать оногo самозванца Холщевникова вину на жестяном листу, и послать в Арзамаскую правинцию, и велеть прибить к тому столбу». Самозванец был казнён примерно 14–15 мая 1732 года.

Источники

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 186; Ф. 7. Оп. 1. Д. 266. Ч. 2. Л. 20–24 об., 31 об.; Д. 272. Ч. 2. Л. 4.

Литература

Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М. 1958. С. 325–326.

№ 41. «Царевич Алексей, сын императора Петра I и брат царевича Петра Петровича» (Лариона Стародубцева) [5/11 февраля – 27/28 декабря 1732] – Тимофей Труженик

Сей самозванец был российским подданным, православным и, видимо, русским. Родился он предположительно в 1670-х годах в крестьянской семье на землях московского Новодевичьего монастыря. Рано осиротев (не помнил ни отца, ни матери), он стал бродягой – «ходил в разных уездах по сёлам и по деревням, кормился работою». Взрослым он бродил по южным окраинам Российского государства, одно время был бурлаком на барках богатого воронежского купца. Семью он так и не завёл, грамотой не овладел, зато расширил свой кругозор – в том числе за счёт легенд о разбойнике Кудеяре, Иване Грозном, Петре I и даже Александре Македонском. Правда, в его сознании историческая реальность была тесно сплавлена с фантастикой.

Под старость он перешёл к сбору милостыни. Возможно, Тимофей занимался и магией, так как всегда имел при себе деревянный стакан и землю в платке – для ворожбы. Судя по всему, он любил открыто демонстрировать набожность, из-за чего и получил своё прозвище (в старину тружеником называли также аскета, подвижника). Соответственно бедность для него была не пороком, а доблестью. Тимофей был приземист и черноволос, одевался по-крестьянски и, само собой, носил бороду.

Трудно сказать, когда и почему он стал смотреть на себя как на старшего сына Петра I. Но «проявился» он после того, как по стране, в соответствии с манифестом от 17 декабря 1731 года, стали приводить к присяге будущему, но пока неизвестному наследнику трона. Сумятицей в умах людей, гадавших, кому же это они присягают, и воспользовался Труженик.

К февралю 1732 года он оказался в дворцовом селе Чуево Тамбовского уезда. Перед Сырной неделей (Масленицей), будучи в гостях у однодворца Семёна Брюзгина, Тимофей

вопросил: «Вы, народ, знаете, кому присяга была – мне де, не мне? А чуть де не мне! А я де – труженик, мне де Бог велел так труждатца. Будет вы не верите, что я царевич, – есть ли де у вас такой человек, которой бы, смотря на землю, узнал, как ево зовут? Тот бы де [человек] показал вам о мне подлинно». Тут же вдова однодворца Авдотья Насонова (из деревни Уварово Тамбовского уезда) предложила обратиться к её деверю Мартыну Солодилову, который «разводит бобами» и находит украденное. Тимофей дал ей «земли немного» и молвил во всеуслышанье: «И будет де это дело вскроетца, то де ланцмилцов⁸ и подушных денег не будет, и орды де все приклонятца к Белому царю»⁹.

Чего хотел самозванец? Вероятно, безбедно пожить за счёт почитателей. Но свидетели «проявления», хотя и готовы были ему поверить, всё-таки ждали резолюции Солодилова. Между тем «Авдотья, взяв тое землю... деверю своему... казала и о вышеписанном о всём ему сказывала. И деверь де её тое землю смотрил, и ничего ей не сказал, и тое землю взял к себе. И после того на другой день оной девер её с тою землёю поехал к... Брюзгину». Войдя к тому в дом, Солодилов при хозяине и крестьянине Тимофее Ермолаеве спросил Труженика, как его зовут. Тот сказал: «Я де Тимофей». И тут Мартын заявил: «Зовут де тебя не Тимофеем – ты де царевич Алексей Петрович!» На это самозванец ему ответил: «Коли де ты знаеш, о том [молч]и!» Вряд ли они были в сговоре. Скорее всего, Солодилов сказал то, чего, как он прекрасно понимал, от него ждали. Не случайно по возвращении на вопросы Авдотьи он поведал, что «ездил... досматривать Тимофея Труженика, что он за человек; и у него де, Тимофея, крест на спине – чуть де он не царевич» (о «царском знаке» на теле Труженика он узнал, очевидно, со слов самозванца).

Признание Тимофея местным чародеем возымело должный эффект: Ермолаев и Брюзгин сочли, что Труженик – «подлинно царевич». Брюзгин тут же сообщил о «государе» крестьянину Максиму Бровкину, и тот зазвал их к себе, пригласив для знакомства и других людей. Гости Бровкина стали свидетелями некоего спектакля. Брюзгин, прикинувшись, что не знает самозванца, спросил его: «Ты де что за мужик?» И Тимофей вовестил: «Я де не мужик и не мужичей сын – я де орёл, орлов сын; мне де орлу и быть. Я де царевич Алексей Петрович, и есть де у меня на спине крест и на ледвее¹⁰ родимая шпага».

В конце февраля Брюзгин и крестьянин Иван Гладыш повезли Труженика в дворцовое (ясачное) село Мача Инсарского уезда. Их радушно привечал крестьянин Пётр Жилиев. Когда у него собрались и другие гости, приезд «царевича» отметили хмельным застольем. Сидя за столом, Труженик объявил: «Я де не мужик и не мужичий сын – я де царевич Алексей Петрович. И присяга де кому была? Вет де была прибудущему! А хто де прибудет? Полно де – не то л-та он?» «Будучи пьяной», самозванец начал совершать магические действия: «показал в платке земли немного, и, зачерпнув в ковше воды, тое землю высыпал», после чего обратился к Жилиеву: «Узнаёшь ли де, что это? Мне де надобен видущей человек, которой бы мог поднять погреб, в котором есть казна и три знамя, и сидят де в том погребу Кудеяр да старой царь (Пётр I. – О. У.) и той казны не дают». Потом Тимофей заявил: «И я де не мужик и не мужичей сын – я де царевич и работать де не умею («работой» тогда называли подневольный труд. – О. У.). Я де, хотя на вид мужик и руки де и ноги и волосы мужичьи, да не мужичей де я сын и не мужик буду. От орла де орёл, а от галки галка родитца, а от мужика де мужик будет и до веку скончатца мужиком. А я де – не мужик и не мужичей сын, да не мужик де буду». После этого он снял «с почтаря знак деревянной, на котором написан герб, и тому почтарю говорил: «Ты де тому гербу помолись и, перекрестясь, приложись – это де тяжело царство и божество. И опричь де меня некому того знака с тебя снять – я де хотя и сниму, на мне де ничего не спроситца»».

Кое-кого такое поведение напугало. Племянник Гладыша – крестьянин Иван Назаров после говорил Жилиеву наедине: «Видишь де, какие тот Труженик слова говорит? Как эте слова хто услышит и донесёт, то де тебе худое будет». (Может, он просто советовал быть поосторожнее?) Но Жилиев ему сказал: «Кому де о том доносить?»

Жена Жилыева Арина Матвеева дочь на следствии показала: «Тот же де Труженик спросил её, Арину, наодине: "Что де у вас вестей?" И она ему сказала: "Нет де ничего – везде добро и хорошо". И оный же Труженик говорил ей, Арине: "Что де, у вас к присяге пригоняли ль или нет?" И она ему сказала: пригоняли де. И оной же Труженик спросил её, Арину: "Х кому де пригоняли?". И она спроста ему сказала: "Бог де знает, х кому! Толко де с нас старосты брали по восьми копеек з душ". И оной Труженик ей сказал: "Что де им в тех денгах? Чорт де знает! Горло ль де им залить?" А к присяге де

[с. 121]

пригоняли веть не х кому что не к нему! И она, Арина, о тех словах ничего ему не сказала...» Зато она говорила своему мужу, «чтоб он об оном Труженике, какой он человек, объявил соцкому и старосте». Однако тот на неё накричал: «Знай де ты, баба, гребень да кривое веретено! Чорт де тебя спрашивает!» Узнав об этом, Труженик не стусебался – заявил Петру: «И ныне де ты меня объяви – я де не салдат и не драгун беглой, я де такой же от Бога человек».

В марте Назаров отвёз Тимофея в деревню Шалдас Керенского уезда – к татарину Ишейке. Брюзгин со товарищи хотели, дабы Ишейка «узнал того Тимофея по земле, что он за человек» и сумеет ли он взять клад, ибо татарин был признанный «волхв» и «ворожея». По приезде Труженик Ишейке сообщил: «Сыскал де я в погребу поклажу и с той де поклажи у меня и земля есть. И ты де посмотри на воду – возму л де я тое поклажу или нет». Хозяин ответил: «Я де о том узнаю, смотря на копейку». Тимофей, взяв у Назарова серебряную копейку и дал Ишейке. Тот бросил её «трижды вверх на стол» и объявил Тимофею: «Ты де тое поклажу возмёшь». Но Труженик не успокоился: «Ты де лутче посмотри на воду». Ишейка, «взяв стакан деревянной и налив в него воду, поставил на стол. И... Тимофей, вынув из-за пазухи в платке земли немного, тое землю сыпал в воду». Ишейка «на тое воду смотрил», после чего повторил: «Ты де тое поклажу возмёшь». Тогда самозванец спросил: «Много л де у той поклажи приставов?» Колдун «увидел» троих. Но Тимофей заявил: «Надобно де четвёртой». Когда же в ответ прозвучало: «Есть де и четвёртой – живой», – Труженик поведал, что ему надобен человек, способный «приставов» от клада увести. Ворожба кончилась тем, что Ишейка сказал о Труженике, «что он непростова роду – быть де такому человеку, что потрясётца вся земля».

Для вящей убедительности Назаров решил свести Труженика с ещё одним «волхвом», также обитавшим близ Керенска. Это был крестьянин Иван Чирка. Прийдя к нему, Назаров попросил: «Поворожи де ты мне». Чирка уточнил: «Кому [ты хоч]иш поворожит?» Назаров его огорошил, сказав, что клиент – «сам царь». Колдун усомнился: «[Разве] де цари по сёлам ходят?» Тогда Назаров сказал: «Буде де ты хочешь ево погля[деть, я е]во к тебе и привезу». В присутствии самозванца Чирка «ворожил, и сказал то жь, что и... Ишейка». При этом Труженик говорил: «В погребу де у казны приставы: три духа умерших – Кодеяр, да царь Иван, да царь Александр Македонской – да живой старой император. И я б де старова императора выпустил, да как де я выпущу, тогда де вся колесница повернётца и земля потресётца и будет де от него в неправде всем суд. Да вет де и я не мужик и не мужичей сын». Потом лжегосударь добавил: «Как де это зделаетца, и бояром де нежитьё будет, а которые де и будут, и те де хуже мужика находятца – и буду де их судить с протазанами, воткня в ногу, как было при царе Иване Васильевиче¹¹ И старой де император выд[ет] и ево благословит в[н]ук[о]ю¹² своею (речь об Анне Иоанновне. – О. У.), и хотя де я где ни буду, она де станет у меня зараз на месте. И присяга де была не кому что не мне, и на монетах де персона пишетца моя, да и по господам де по всем моя персона розслана. И кроме де меня посланы веть двое». Тут Чирка, «смотря на воду», поддакнул: «Хотя де двое и посланы, да моложе видятца».

Итак, реноме самозванца было подтверждено. Труженик с Назаровым пустились в обратный путь, завернув, однако, в дворцовое село Тезиково (Архангельское) Нижнеломовского уезда к тётке Назарова – вдове-солдатке Нениле Степановой. Назаров её спросил: «Нет ли де у них в селе такова человека, кто б ево, Назарова, от порчи вылечил?» Труженик не остался в стороне: «И мне де такой человек надобен». Ради такого случая Ненила зазвала к себе в дом отставного солдата Евсевия Осипова сына Девенина. Труженик попросил, чтобы знахарь «посмотрел на воду», сообщив: «Есть де у меня земля, взята с поклажи, – возму л де я тое поклажу или нет?» Евсей велел дочери хозяйки Устинье «принести в ковше воды. И та... воды в ковше принесла и поставила на стол». Труженик «в тое воду сыпал землю, а... Евсей на тое воду смотрел и, смотря, тому Труженику сказал: "Тое де поклажу ты возмёшь". И... Труженик говорил тому Евсеью: "Вить у той поклажи есть трое приставов мёртвые да четвёртой живой!" И... Евсей сказал... Труженику: трое де приставов мёртвых да четвёртой живой у той поклажи есть, толко хто тот четвёртой пристав живой, того он, Евсей, не знает». На это самозванец ему сказал: «То де старой император Пётр Алексеевич и оброс бороною», – а затем спросил: «И кому де ныне будет царствовать?». На это Евсей ответил: «Я не знаю». Труженик тогда ему сказал: «А я де по тебя пришлю, коли пора будет». Знахарь согласился: «Воля де твоя! Как пришлёшь – я к тебе готов ехать». Кстати, потом он признался, что про клад «говорил с простоты своей... и чаял, что оной Труженик за то даст ему что-нибудь на хлеб денег», но тот «ничего ему не дал».

При ворожбе присутствовал зять Ненилы Савелий Васильев. Услышав, что «Назаров того Труженика называл батюшкою, а потом называл ево Тимофеем», Савелий спросил самозванца, как его зовут. И тот ему сказал: «На что де тебе моё имя? Отец де мой – костыль, а сума – матушка». По словам же Устиньи, Труженик наедине сказал ей: «Как де я возму поклажу – денги, то де станут де денги возить возами, и буду де я теми денгами оделять нищих и на перекрёски те денги сыпать, и буду де я царём на земли». Но Устинья ему вроде бы ответила так: «Где тебе быть царём? Есть де у нас ныне царём на земли матушка наша Анна Иоанновна».

По возвращении в Чуево Назаров сообщил Гладышу и Брюзгину вот что: «Ездили де мы – я лечитца от скорби, а Тимофей з землёю – к татарину Ишейке да к салдату Евсеью Осипову ворожить: что де он, Тимофей, – возмёт ли поклажу? И оные де татарин и салдат тому Тимофею сказали, что де он тое поклажу возмёт». Пребывая в Чуево, Труженик познакомился с донским казаком Кобзиным – жителем Яменской станицы на Бузулуке, притоке Хопра. Вероятно, донца привлекла набожность нашего героя, который при нём помалкивал о своих притязаниях на трон.

В мае или июне 1732 года лжецаревич и Кобзин отправились на Дон. В Яменской станице казак привёл Тимофея на постоя к «бурлаку»¹³ Лариону Стародубцеву. По воспоминаниям последнего, сначала Тимофей «сказался так, что он трудитца Богу», но потом Стародубцеву предложил: «Пойдём де со мною в Открывон-град! Там святых много и стоит де образ Знамени Пресвятыя Богородицы. И мы де её вынесем – так я де царь буду и Бог, и многое де множество казны будет, и которыя де будут при мне, и тех де стану дарить золотом и серебром и золотыми коретами, и хлеба де столко не будет, сколко золота и серебра». Труженик уточнил, что богатства спрятаны в «городище», которое охраняют четыре «пристава», но не сказал, где именно этот «град». Затем он сообщил, что является «Алексеем Петровичем» и после вскрытия клада займёт престол. Далее он Лариона спросил: «Как де тебя зовут?» Услышав ответ, пришелец заявил: «Нет де, не Ларионом тебя зовут – зовут де тебя Петром Петровичем, и ты де царевич». Стародубцев ему «говорил, что он Ларион, а не Пётр и не царевич». Но тот стоял на своём: «Делай де по-моему и называйся старого царя сыном – царевичем Петром Петровичем. А будет де по-моему не будешь делать, то де я тебя в котле сварю». Тогда Стародубцев «сказал, что он так называтца будет, – мыслил простотою своею, что оной Труженик подлинно царевич и ево, Стародубцова, обогатит. И пошёл тот Труженик в Танбовской уезд по-прежнему».

На Тамбовщине и в соседних уездах у Лжеалексея были, как минимум, 30 сторонников. Но в Чуево отношение к нему стало меняться – возможно, потому, что он и клад не вскрыл, и не предпринимал

[с. 122]

[иллюстрация]

[с. 123]

никаких действий, дабы вернуть себе трон. Как-то в доме Брюзгина самозванец им заявил: «Ежели де вы [та]ко мне не верите, что я царевич, и вы де пошлите в Яменскую станицу – там де есть казак Ларион Стародубцов. [Прикажи]те ево к себе привести и обо мне ево спросите – он де вам подлинно скажет». При этом Тимофей добавил, что на самом деле Ларион – его брат царевич Пётр Петрович.

Хотя не все чуевские жители были сторонниками самозванца, слух о нём разошёлся по всему Тамбовскому уезду. Молва гласила, что его чуть «не извели бояре» и он лишь чудом спасся, а нынче ходит в облике мужика по сёлам и деревням, призывая народ пойти с ним в Открыван-город за богатствами, а затем к Москве. Пока же его основное пристанище – село Чуево. Там-де он показывал сомневающимся «царские знаки» на своём теле и читал «манифест» о присяге ему.

В августе об этих слухах узнал тамбовский воевода Афанасий Кологривов. Он разослал соглядатаев и приказал проверять «пашпорты» у всех приезжих людей, а подозрительных лиц присылать под караулом к нему – в провинциальную канцелярию. Но в это время Труженик был уже в селе Мача Инсарского уезда – гостил то у Жилиевых, то у «новокрещёна» Ивана Мордвинки, в доме которого жил и Назаров. По просьбе самозванца (не потому ли, что ему стали не доверять?) Назаров опять поехал к «волхву» Чирке и привёз его к Тимофею. Об этой ворожбе мы ничего не знаем. Зато известно, что Труженик почему-то поучал знакомых так: «Не надобно де много Богу молитца».

Похождения «царевича» закончились в октябре 1732 года. Солдаты из команды подпоручика Фёдора Кравцова, посланной для взыскания недоимки подушной подати, увидели его у избы Жилиева и, заметив, что он пытается скрыться, бросились вослед. Самозванец укрылся в доме Мордвинки, но его нашли. Перед задержанием он успел вручить Мордвинке «стакан деревяной да земли в платке» и дать наказ: «После де меня того стокана и земли никому не кажите...» На вопросы подпоручика задержанный не отвечал, но затем объявил «государево слово и дело». Его переправили сначала в Инсар, а потом в Тамбов, где сразу же заковали в кандалы и посадили в тюрьму.

На «роспросе» Труженик заявил воеводе: «Я не мужик и не мужичий сын, я орёл, орлов сын, мне орлу и быть – я царевич Алексей Петрович». Естественно, Кологривов усомнился. Тогда арестант повторил всё слово в слово и добавил, что недавняя присяга была ему. Затем, с минуту помолчав, сообщил: «И на монетах персона пишется моя, да и по господам моя персона разослана». После этого Лжеалексей потребовал отвезти его к «сестре» – императрице Анне Иоанновне, ибо он «знает, где ныне старой царь, и имеет де он донести самое тайное дело», но «окроме де Ея величества никому о том... не скажет». Позднее Кологривов ещё несколько раз допрашивал самозванца, но ничего нового не узнал.

В тюрьме Тимофей продолжал изображать «царевича» – перед колодниками, а также навещавшими его сообщниками. Но кое у кого из них арест «государя» усилил сомнения в его «подлинности». Брюзгин, Бровкин и Ермолаев послали крестьянина Василия Плешивого, «бурлака» Фадея Емельянова и однодворца Кондратия Шапкина за Стародубцевым. Тот

приехал и подтвердил, что Труженик – действительно царевич Алексей. Ларион даже успел до отправки Тимофея в Москву получить от него наказ – отправиться в Открыван-город и «вскрыть сокровище».

В начале декабря Труженика повезли под конвоем в Москву. 27 декабря он уже был в Тайной конторе. На первом же «ропросе» он сообщил своё настоящее имя, отказавшись тем самым от мифической ипостаси. Позднее он рассказал реальную биографию, но даже под пытками утверждал, что «царевичем не назывался». Правда, он выдал шестерых сообщников, которые, в свою очередь, вывели следователей на других – включая «царевича Петра».

Между тем по югу России начали ходить слухи о том, что Труженик обласкан царицей и благополучно пребывает то в Москве, то в Петербурге, а вскоре с отрядом казаков прибудет на Тамбовщину или Дон. Но после начала очередной русско-польской войны (31 июля 1732 г.) пошла гулять новая молва: дескать, царевич Алексей из-за козней «бояр» бежал на Слободскую Украину и стал «пустынником» (отшельником); «а надлежит де быть на царстве оному пустыннику, ежели он явитца, ибо де ныне война в Полше, а... государыня править того не может».

Тимофей так и не признал себя виновным в самозванстве. Не сознался он и в том, что знал Стародубцева. Он пытался уморить себя голодом, дабы не подвергнуться казни, но не успел. Приговором, утверждённым царицей 31 октября 1733 года, повелевалось отсечь ему голову – там, «где от него злодейство более произносимо было», после чего, «зделав деревянной столб, взоткнуть оного самозванца Тимофея голову на железной кол, а тело ево жечь». Казнь произошла в Чуево в конце мая или в июне 1734 года.

№ 42. «Царевич Пётр, сын императора Петра I и брат царевича Алексея Петровича» (Тимофея Труженика) [май/июнь 1732 – конец мая ? 1733] – Ларион Стародубцев

Этот лжемонарх тоже был российским подданным, православным и, видимо, русским. Родился около 1690 года, очевидно, в семье крестьянина. Возможно, был сиротой. Примерно в 1709 году его отдали в рекруты. На военной службе он провёл более 20 лет, так и не научившись читать и писать. Будучи в Нарвском драгунском полку, он наверняка участвовал в Северной войне: его полк действовал под Выборгом, Кексгольмом, Гельсингфорсом, Пилькиной Киркой, Оберфорсом, Вазой и на реке Тельме. После окончания войны полк дислоцировался на Украине. За провинности Ларион дважды попадал под арест и наказывался кнутом. В 1730 или начале 1731 года, не вынеся тягот службы и частых издевательств немца-офицера, он сбежал на Дон.

Хотя казакам запрещалось принимать беглых, Лариону нашлось место в Яменской станице на Бузулуке. Он стал «бурлаком», женился на вдове (её звали Матрёна Акакиева дочь) и зажил с нею и падчерицей Федосьей «своим куренем». Одевался он подобно иным «бурлакам» – носил нечто среднее между костюмом казаков и крестьян. Работящим Стародубцев не был – он «безпрестанно табак пивал» (курил кальян или наргиле¹⁴).

В мае – июне 1732 года он познакомился с Тимофеем Тружеником и узнал от него о своём высочайшем происхождении¹⁵. Возможно, он говорил правду, когда следователям объяснял своё дальнейшее поведение так: «Мыслил простотою своею, что... Труженик подлинно царевич и ево... обогатит». Как бы то ни было, вскоре явился миру новый лжемонарх. Это произошло во время сенокоса на лугу близ Яменской станицы. Когда был перерыв на обед, Ларион возвестил казакам, что является на самом деле «царевичем Петром Петровичем». Его подняли на смех. Через несколько дней он с теми же казаками вновь завёл разговор о своём «царском происхождении», и вновь услышал смех. Тогда самозванец обратил свой взор на «бурлаков». Вскоре двое из них – Логгин Каланчин и Иван Полушкин –

стали его «товарыщами». Он их каким-то образом убедил, что у него «на груди звезда, а на спине месяц, и он де подлинной царевичь».

В конце ноября к Стародубцеву явились гости из села Чуево – уже известные нам Плешивый, Емельянов и Шапкин. Они обратились к Лариону так: «Здравствуй де ты, Пётр Петрович!» Тот им говорил: «Для чего де вы так меня величаете? Я де не

[с. 124]

Пётр Петровичь». Ответом было: «Приказал де нам тебя так величать батюшка наш Алексей Петрович... и велел де тебя привести он к себе для свидания». Ларион поехал в Чуево, взяв «товарыщев», и по пути вновь «сказывался царевичем».

Его встречали Бровкин и Ермолаев (Брюзгин ездил к арестованному Труженику). «А как де они... Стародубцова о... Труженике спросили, и он... о нём сказал, что он царевичь Алексей Петровичь». Настроение у «Петра Петровича» изменилось, когда он узнал, что «брат» сидит в тюрьме. Поэтому, когда вернувшийся Брюзгин спросил его, «знает ли он того Труженика и какой он человек», Ларион ответил уклончиво: «Как бы де мне с ним видетца, то бы де я с ним переговорил кое о чём, и ежели б де он был здесь, то б де я ево узнал, что он – царевичь или нет». Но чуевских сторонников Тимофея волновала также судьба его «поклажи». Посему в Тамбов были посланы крестьянин Иван Сычѳв и однодворец Сергей Страмоусов с наказом: если не удастся выволить «Алексея», то нужно получить у него благословение и указания, как поднять клад.

На следующий день Ларион «со товарыщи» явился к местному управителю Мокею Степанову сыну Чуеву и назвался царевичем Петром Петровичем. «И оной Чюев на то ничего ему не сказал», зато усадил обедать. Тут приехали из Тамбова Сычѳв и Страмоусов: «Здравствуй де ты, Пётр Петрович! Что де мы от батюшка своего Алексея Петровича слышали, то де тебе и говорим. Ларион спросил: «Что де – от него будет приказу?» Они сообщили, что Труженик «им сказал: за чем де оной Стародубцов пришѳл, то б де он и делал; и для чего де оной Стародубцов сам к нему не приехал?» Потом Тимофей добавил: «А этова де дела без меня не зделаетца, а буде зделаетца, то – Боже, помогай!» Наконец он велел передать Стародубцеву: «Сможеш ли де ты Открывон-град открыть? Будет де ты не сможеш, то де не станет у тебя глаз, и рук, и ног, и уст глаголющих». Ларион, вспомнив рассказы «брата», стал хорохориться: «Готовте де с собою свечи, да надобно де нам книги и дьячки – и поедем де на место и вскроем городище. А в том городище есть Знамение Пресвятыя Богородицы, и Евангелие, и крест, и знамѳна царя Александра Македонского. И те де знамѳна надобно мне отдать Тимофею Труженику». Когда же его спросили: «Для чего де знамѳна тому Труженику отдать?», – он ответил: «Оной де Труженик будет по тем знамѳнам царствовать».

Наутро Лжепѳтр пошѳл на попятную: «Непошто де нам, братцы, ехать вскрывать городища – там де мы все пропадѳм и возмут де нас всех во ад. А оной Труженик вас прелщает, что называетца царевичем, – он де не царевичь, в нём де есть дух нечистой, и вы де к нему не ездите. И оное де городище надобно проклясть. И ежели бы де оной Труженик здесь был, я бы де ему оковал руки и ноги». Ларион даже назвал его Антихристом. И вот что интересно: знакомые Тимофея «все на то ничего ему не сказали». В этот же день «приезжали в то село два человека – собою старые... и... Стародубцова при... Чюеве осматривали, и сказали, якобы он, Стародубцов, подлинно царевичь, и потом поехали...». При осмотре они сказали самозванцу: «Ты де не казак и не казачей сын». В ответ Ларион молвил: «Я де казак и казачей сын, я де ворона залѳтная». Переночевав, он и его «товарыщи» получили от Мокея «пашпорт» и двинулись домой.

По возвращении Каланчин и Полушкин «разглашали» о самозванце другим «бурлакам». К «царевичу» примкнул Ефрем Худяков, который затем привлѳк и Герасима Полубоярова.

Сам Ларион завербовал Ерофея Батурина (Плешакова). Казаки же тем временем потешались и над Стародубцевым, и над его близкими. Его падчерица вспоминала: «Как де была она, Федосья, в Яменской станице на улице, и в тое де бытность на той улице были той же станицы казаки... и ис тех казаков один человек, увидя её, Федосью, говорил оным казакам про вотчима её...: "У нас болдырь¹⁶ Ларион Стародубцов называетца царевичем Петром Петровичем", – и, смеясь, тем же казакам говорил: "Теперь де у него стала и жена царевна, а она де, Федосья, – дочь царевичева"». Всё это не нравилось и жене самозванца: «Матрёна... мужу своему говорила: для чего он так называетца? Она де жить с ним не станет! И... муж за то её бивал и говорил: "Вот де я не собою называюсь – меня де так назвал Тимофей Труженик!" И она ж... говорила: "Почему де оной Труженик так тебя назвал?" И... муж ей... сказал: "Вить де он мне брат", – и назвал того Труженика царевичем Алексеем Петровичем. Толко де она... за подлинно того ничего не признавала...»

В начале марта 1733-го по решению станичного «круга» Лариона стали посылать «на работу» – «в Черкасск на плоты с лесом», но он отказался ехать, ссылаясь на то, что он царевич, а не мужик. Когда его привели на майдан для наказания плетьюми, он «тем казакам говорил, чтоб они ево не били: "Я де царевич Пётр Петрович!" И всё же его высекли, а потом с женой и падчерицей «ис той станицы выбили вон». С ними, но уже по своей воле, ушли Каланчин с женой и Полушкин. Они переселились «в казачьи пустые юрты»¹⁷ близ Кардаила, левого притока Бузулука, и стали «табором» на степном участке рядом с лесом под названием Высокая Дубрава. После этого лжемонарх и его подручные приступили к вербовке жителей близлежащих станиц – Берёзовской, Филоновской, Карповской, Дурновской, Алексеевской, Лукьяновской и Акишевской. Во-первых, они «прельщали» тех, кого встречали рядом с «табором», уговаривая их «послужить Богу» и обещая награду. Во-вторых, агитация шла и в самих станицах при беседах с глазу на глаз. В обоих случаях заговорщикам верили не все.

Приехавшим таки в их «табор» сообщали, что у Стародубцева есть «царские знаки» – звезда и месяц. Ларион также рассказывал: он-де ушёл из царского дворца, когда явился «император» (очевидно, «немец», якобы заменивший Петра I) и «стал отцовския и дедовския законы ламать»; он-де выступил против узурпатора и поплатился – «от императора в темнице за старую веру сидел два раза» и был наказан кнутом; потом ушёл в Чернигов, «а с Чернигова на Киев и в Киеве-граде кинул ерлык, а въ ерлыку подписано: "Слетел орёл с тепла гнезда"»; затем пришёл на Дон. «А теперя я хощу умышлением своим вступить на отцовское и дедовское попелище». Иногда самозванец добавлял: «Уже де годы мои вышли: жил я тайно, а ныне де буду явен – пора де мне на отцовское попелище. Бедному де жаль кошеля, а богатому – короля...» Казакам он ещё говорил: «А вот батюшкино царство службами растащили. А как я сяду на царство, то служба уймётся на десять лет. Теперя я вас призываю волею, а вы ко мне не идёте, а то буду я вас брать и неволею. И которые придут ко мне волею, те будут при мне пожалованы, а которых возьму неволею, те будут последние. Теперя я иду в Москву к Ея Императорскому величеству – она меня узнает, и буду я на батюшкином царстве».

Поверившие Лжепетру кланялись ему и отправлялись восвояси. При нём постоянно были не более пяти мужчин. Но многие из «прельщённых» приезжали опять с дарами. Так, берёзовский казак Игнат Седов привёз лжегосударю «вино» (водку), и за это Ларион его «хвалил и целовал в голову». Когда же среди сторонников самозванца оказался грамотей – «бурлак» Иван Попов, было решено учинить присягу «царевичу». Обольщённые им казаки и бурлаки (женщины не привлекались) клялись быть всегда при нём и служить верно, после чего сообщали свои имена Попову, а тот записывал. После того, как присягнули 24 человека, перечень взял Стародубцев и «держал... при себе». Те, кто пристал к нему позднее, уже не записывались. Кстати, всего у Лариона было не менее 50 сторонников (считая женщин), при этом как минимум 12 из них были также сообщниками Труженика.

В конце марта лжецаревич «со товарищи» начали готовиться к походу на Москву.

Для разведки о Труженнике Ларион послал к Тамбову Худякова и Плешакова. Вернувшись, они пересказали тамошние слухи: «царевич де Алексей Петрович, которой... назывался Труженником, живёт ныне в Москве при государыне императрице» и «был де в Санкт-Питербурхе раза с три, и казаков де, которые ныне при нём... жалует, и набрал де себе голутвы ста з два»; от него «есть указы» с таким началом: «Здравствуйте де, казаки мои великодонские!» – причём в них говорится, что он «к Троицыну дни (13 мая. – *О. У.*) к ним не будет, а будет к Петрову дни» (29 июня. – *О. У.*).

После этого Ларион «мыслил, что... Труженник подлинной царевич Алексей Петрович, а он... царевич же Пётр Петрович». Стародубцев объявил, что уже послал в Москву письмо и теперь ждёт «от брата своего царевича Алексея Петровича писма – не возмёт ли де он ево в Москву к себе... А он де, Стародубцов, подлинно царевич Пётр Петрович, а ежели б де он был не царевич, то б де он так не делал и их не набирал. И пойдёт де он с ними в Москву к Ея Императорскому величеству и к брату своему... и дорогою де, идучи, станет себе набирать ещё охочих людей, кто к ним приставать станет, а ежели кто приставать не станет, то их бить. И пришед де к Москве, станет он, Стародубцов, и брат ево... царствовать вместе з государынею императрицею, а ежели де кто им станет противитца, и они де учинят в Москве и в ынех местех бунт». В ответ на реплику соратников: «Как им бунт чинить?» – он заявил: «То де не ваше дело, я де как хочю, так и делаю – для того, что де я подлинной царевич».

Позднее одному из «подданных» Ларион сообщил: «Пришёл он со всходу; и чтоб он, Бирчюков, проводил ево... до Черкаска, а из Черкаского де проводят ево... в Москву старшины; и будет он в Москве на дедовском и их отцовском царстве; и волос де стричь у себя не станет; и есть де у него... в Киеве бабка...» Нечто сходное говорил он и другим: «Как де мне ехать до Черкаскова? А ис Черкаскова б де я поехал в Москву к Ея Императорскому величеству – она де, государыня, меня узнает...» Он повторял: «И государыня де от меня не отступитца – она... мне имеетца сестра двоюродная». Когда же сообщники ему напомнили, «что в Москву итить невозможно, что де везде караулы», Стародубцев сказал: «То де не ваше дело, я де вас, как знаю, доведу». Но потом он всё же решил подстраховаться и объявил: «Надобно де мне писать ерлыки и подкидывать по казачьим станицам о том, что де я подлинной царевич, и чтоб они, казаки, о том ведали и читали те писма всенародно».

Агитация посредством «подмётных писем» велась в конце апреля – начале мая. Со слов самозванца Попов написал нечто вроде манифеста к «черни» всего государства. Его взял себе Лжепётр, а Попов создал «указ», отличный от исходного лишь концовкой – обращением к донским казакам. Эту бумагу должен был доставить в Яменскую станицу Седов, но «нигде того писма не объявил, боясь, что он у того самозванца был». Ещё один «указ» донцам – уже в трёх вариантах – под руководством «царевича» написал «бурлак» Гаврила. Одну копию подкинули в Лукьяновской станице, вторую – в Акишевской, третью – в Алексеевской. Все «ярлыки» кратко излагали мифическую биографию самозванца, призывали казаков постоять «за старую веру и за чернь» и запрещали обижать «бурлаков» и «голутву».

Надежды Стародубцева на казаков и вера в себя объясняют его поведение при задержании и после него. Поимка произошла в начале мая. Берёзовские казаки схватили одного из «товарыщей» самозванца, и тот привёл их к «табору». По пути отряд пополнили дурновские казаки, «которые ехали для разделу лугов». В «таборе» казаки «застали бурлаков 11 человек», «дву жёнок да девку». Но вопрос приезжих, «что они за люди», Стародубцев «назвал себя царевичем Петром Петровичем, и объявил им два писма, и называл их указом». Однако он и его окружение были взяты под караул и доставлены в Берёзовскую станицу. После того, как туда прибыл отряд казаков из Черкаска, задержанные были этапированы в столицу Войска Донского.

В пути Ларион подбадривал соратников: «Что де вы, казаки, приуныли? Я де не боюсь ничего – я де царевич Пётр Петрович! Толко б де Господь Бог донёс меня до Москвы! А у меня де в Москве есть брат родной – царевич Алексей Петрович, и государыне явился». В Кундрючевской станице товарищи по несчастью «Стародубцову говорили: "Подлинно де ты царевич и не обманываеш ли де нас?" И Стародубцов де, плюнув, говорил: "Этакие де вы блядины дети – не верите! У меня де есть и брат – царевич Алексей Петрович, и в Москве де о Крещенье (6 января. – *О. У.*) у заутрени в церкви явился государыне императрице Анне Иоанновне и о себе ей... объявил, что де он царевич Алексей Петрович". И бояря де того ево брата спрашивали ж, что он за человек, и он им сказал, что он царевич, и те де бояря того ево брата взяли и посадили в темницу. И оного де ево брата ис темницы караульной салдат выпустил к обедне. И брат де ево, пришед к обедне, тем бояром насмеялся: "Эта де ваша темница хороша!" И потом де ис церкви пошли на воду со кресты. А у него де в то время за поесом был топорик маленькой, и бояря де топорик у него из-за поеса вынули и бросили вь ердань¹⁸. И оной де ево брат за тем топориком пошел вь ердань, и сидел вь ердани по тех пор, как воду освятили и пошли в церковь. И оной де ево брат, вышед из ердани, пошёл за кресты ж в церковь. И государыня де императрица, увидя того ево брата в церкви мокрова, говорила князьям и бояром: "Этот де человек не простой", – и велела тем князьям и бояром приходить во дворец, а она де, государыня, подымет старья книги».

В конце мая конвой прибыл в Черкасск. Там, вероятно, самозванца допросили, и он отказался от мифической ипостаси. 25 июля 1733 года его доставили в Тайную контору. В отличие от «брата» Ларион признал свою вину, но и он пытался уморить себя голодом. Приговор у них был общий, и Стародубцеву уготовили точно такую же казнь, как и Труженику. Лариона тоже предали смерти в конце мая или в июне 1734 года. Только место казни было иным – Яменская станица.

Источники

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 187; Ф. 7. Оп. 1. Д. 266. Ч. 6. Л. 116–127 об., 143–146; Ч. 9. Л. 87–93 об.; Д. 272. Ч. 10. Л. 116 об. – 117 об.; Д. 278. Ч. 5. Л. 91–97; Ч. 8. Л. 397–401, 407–407 об.; Ф. 349. Оп. 1. Д. 457. Л. 66–67 об; Д. 840.

Литература

Есипов Г. В. Люди старого века. СПб. 1880. С. 416–444.

Разорёнова (Козлова) Н. В. Из истории самозванства в России 30-х годов XVIII в. // Вестник Московского ун-та: Серия «История». 1974. № 6. С. 54–62.

Сахаров А. Н., Троицкий С. М. Живые голоса истории. М. 1978. С. 149–156.

Троицкий С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 140–142.

Примечания

¹ См.: Родина. 2007. № 7. С. 66–67.

² Это время после Успенского поста, который длится с 1 по 14 августа.

³ Филиппов пост с 15 ноября по 24 декабря.

⁴ Видимо, это мужской монастырь в Арзамасе, основанный около 1555 г.

⁵ См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. 1967. С. 130–131.

⁶ См.: Кон И. С. Ребенок и общество. М. 1988. С. 216–217; Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. 1997. С. 561–563; Юридический энциклопедический словарь. М. 1987. С. 101, 359–360.

⁷ Евдокия Лопухина – первая жена Петра, заключённая им в монастырь.

⁸ Речь идёт об особой повинности для жителей юга России – отдавать мужчин в ландмилицейские полки и частично содержать их.

⁹ Белый царь – российский монарх.

¹⁰ Лядвия – бёдра, бока, поясница; почки.

---

¹¹ Протазан – копьё с широким наконечником. Существовало предание о том, что Иван Грозный наказал «стремянного» Шибанова, воткнув ему в ногу копьё.

¹² Внука – внучка; далёкий потомок женского пола.

¹³ На Дону «бурлаками» назывались неполноправные жители станиц; чаще всего они были из пришлых людей.

¹⁴ Наргиле – персидский курительный прибор из трубки, длинного рукава и склянки с водой, проходя через которую дым охлаждается.

¹⁵ Настоящий Пётр Петрович умер в 1719 г.

¹⁶ Болдырь – пустобрёх; бездельник; глупый, бестолковый человек.

¹⁷ Юрт – владение, принадлежащая кому-либо территория.

¹⁸ Иордань – прорубь для освящения воды.